

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию Дробышева Максима Игоревича

«Автобиографические сочинения провинциальных аристократов

византийской ойкумены второй половины XI — начала XII в.:

источниковедческое исследование проблем мировоззрения»,

представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук

по специальности 5.6.5 — Историография, источниковедение

и методы исторического исследования

История персональных текстов (эго-документов) и шире — субъект(ив)ности, идентичности, мировоззрения авторов преמודерна входит в число наиболее популярных тем отечественной историографии постсоветского периода. Этим темам посвящено множество статей и книг, а также многочисленные дискуссии на страницах известных альманахов «Одиссей: человек в истории» и «Казус: индивидуальное и уникальное в истории», задававших тон исторических дебатов в России в 1990-е — начале 2000-х годов. На страницах этих изданий выходили статьи Л.М. Баткина, Ю.Л. Бессмертного, М.А. Бойцова, К. Гинзбурга, А.Я. Гуревича, И.Н. Данилевского, А.Б. Каменского, С.И. Лучицкой, О.И. Тогоевой, Ж.-К. Шмитта и ряда других, в работах которых были определены круг вопросов и многие методологические установки, связанные с исследованием субъекта преמודерна.

На собственно византиноведческом материале большое внимание проблеме «личности в истории» уделили такие авторитетные отечественные исследователи, как М.В. Бибииков, А.П. Каждан, Я.Н. Любарский, И.С. Чичуров. Опираясь на теоретико-методологические наработки своего времени, они предложили общий подход к исследованию византийских эго-документов различных жанров, показали условность жанровых границ и конвенций, определяющую роль религиозного фактора в самосознании средневекового субъекта.

Диссертация М.И. Дробышева не просто методологически продолжает наработки этих выдающихся византинистов, но предлагает новый, системный взгляд на корпус «автобиографических» сочинений авторов, принадлежавших разным политическим образованиям циркумвизантийского региона — Евстафия Воилы, Григория Пакуриана, Кекавмена, Никулицы Дельфина и Владимира Мономаха. По словам соискателя, «речь идет о синтетических (“гибридных”) текстах, в которых смешаны самые разные элементы византийской духовной культуры. В них ярко выражен автобиографический элемент, отражены авторские позиции и высказываются личные мнения авторов по тому или иному поводу. Цель их написания — суммировать и транслировать современникам и потомкам накопленный авторский опыт: все эти сочинения носят явный авторский характер, в каждом из них виден собственный самобытный авторский стиль» (с. 6–7).

Диссертация состоит из трех глав, в которых последовательно разбираются источниковедческие вопросы, а затем рассмотрена «риторика идентичности», т.е. «авторские вторжения» и особенности индивидуального мировосприятия. Как пишет М.И. Дробышев, предметом его исследования являются «во-первых, практики фиксации и репрезентации личного опыта в перформативных и дидактических сочинениях типичных византийских и древнерусских аристократов (представителей элиты) второй половины XI — начала XII в., а, во-вторых, специфика их мировоззрения и, прежде всего, особенности их восприятия “себя” и “своих” в противопоставлении с “чужими”» (с. 13).

Автору диссертации удалось:

1. Дать системный источниковедческий анализ корпуса персональных текстов, оставленных региональными авторами из разных уголков циркумвизантийского мира. В соответствующих частях соискателем разобраны вопросы кодикологии, палеографии, текстологии изучаемых памятников с учетом всех наиболее важных работ по теме. Соискатель приходит к выводу, что все проанализированные им тексты, дошедшие в

единственной рукописи, являются либо непосредственными копиями «семейно-родовых архивов» («Советы и рассказы Кекавмена» и «Поучение» Владимира Мономаха), либо были основаны на документах из таких личных, семейных, коллекций («Завещание» Евстафия Воилы и «Типикон» Григория Пакуриана) (с. 142).

2. Сделать ценные наблюдения насчет характера текстов и их авторской атрибуции. К числу таковых относится вывод о синтетической жанровой природе «Советов и рассказов» («Стратегикона») Кекавмена, совмещающей дидактическую автобиографию и «частную историю», наподобие «Алексиады» Анны Комнины (с. 39). Соискателем внесен вклад в длительную дискуссию о соотношении Кекавменов — автора «Советов и рассказов» и известного по византийским текстам Катакалона — и продемонстрировано, что речь идет о разных персонах (с. 48).

3. Проанализировать «авторские вторжения», систему воззрений указанных авторов на пространство и время, отношения к иноземцам и родине. Как показал М.И. Дробышев, все авторы почти не используют точного счета времени и применяют хронологические указания лишь ситуативно; дихотомия «свой-чужой» выражена слабо, все рассмотренные тексты отличаются весьма сдержанной риторикой по отношению к иноземцам, что соискателем объясняется особенностями биографий изучаемых авторов, которые не только сами имели гетерогенное происхождение, но и постоянно взаимодействовали с иноземцами «по долгу службы» (с. 143). Все авторы были носителями ромейской идентичности, но в разной степени; во всех текстах ясно выражен концепт родины — Романии или Царства ромеев (Евстафий Воила, Григорий Пакуриан, Кекавмен и Никулица Дельфин) и Русской земли (Владимир Мономах).

С учетом проведенного М.И. Дробышевым источниковедческого анализа, объема и сложности затронутых проблем следует отметить следующие дискуссионные вопросы:

1. На наш взгляд, соискателем не в полной мере учтены жанровые особенности рассмотренных текстов. В историографии неоднократно отмечалось, что средневековые тексты имеют особую природу, их содержание, структура и замысел не могут быть раскрыты, исходя из современных представлений на вопросы авторства и прагматики. По справедливому замечанию А.Я. Гуревича, при работе со средневековыми текстами мы имеем дело не с литературой, а с «несравненно более обширной полифункциональной системой, в которой находили выражение и удовлетворение наряду с чисто эстетическими запросами, также и иные потребности человека, — от религиозных до бытовых (историография, теология, право, магия, наставления в хозяйственной деятельности и многое другое не были выделены из “художественной литературы” так, как это произошло при переходе к Новому времени)».¹

Средневековый текст представляет собой не просто литературный памятник прошлого, но одновременно отпечаток мышления его автора, опосредованно — картины мира, ментальности, социальной реальности. Соответственно, библейские аллюзии в изучаемых текстах Евстафия Воилы, Григория Пакуриана, Кекавмена и Никулицы Дельфина следует рассматривать не просто манифестацией авторской религиозности и не данью «этикетным» требованиям, а частью замысла и структурообразующим элементом. «Поучения», «завещания» и тому подобные тексты составлялись не просто для «потомков», а одновременно как тексты для «общения с Богом».

В методологическом отношении весьма полезным здесь было бы обращение к категории «техника нарратива», предложенной Н.З. Дэвис и отражающей «вымышленные» аспекты исторических документов.² По словам

---

¹ Гуревич А.Я. Средневековая литература и ее современное восприятие: о переводе «Песни о Нибелунгах» // Гуревич А.Я. История — нескончаемый спор. Москва, 2005. С. 71.

² Davis N.Z. Fiction in the Archives: Pardon Tales and Their Tellers in Sixteenth-Century France. Stanford, 1987.

ученой, «под “вымышленным” я имею в виду не содержащиеся в них элементы обмана, а — используя другое, более широкое, значение корня слова *fingere* (лат. “выдумывать, притворяться”) — их формальные, оформляющие и формирующие элементы: технику нарратива». Такой подход подразумевает учет не только собственно текстуальных аспектов изучаемых памятников, но и выяснение принятых в данной культуре конвенций самопрезентации. Например, восприятие себя через определенные роли (добродетельный землевладелец, мудрый отец семейства) и/или в контексте определенного сюжета (покаяние и обращение грешника в праведника). Так, на наш взгляд, подмеченную М.И. Дробышевым «иносказательность» «Завещания» Евстафия Воилы следует объяснять не свойственной автору «скрытностью» и не желанием умолчать о «темных пятнах» биографии (с. 63), а особенностями жанра. Указанием на жанровую природу может служить отмеченный соискателем образ Воилы как «вечного скитальца» (с. 59), который вписывается в обширную традицию средневековых текстов о странствии и преображении героя.

2. Недоучтена специфика историко-культурного контекста: представления об «авторстве» и прагматике в Средние века (и конкретно в Византии и Руси) в корне отличались от современных. Соискатель постоянно оперирует такими категориями, как «автобиография» (встречается 46 раз), «идентичность» (17 раз), «типичность» (29 раз) и др., однако не поясняет их содержания и не обосновывает их релевантность для изучаемой эпохи. Между тем, вопрос о применимости перечисленных терминов для домодерного времени далеко не очевиден. Как показал У. Тинделл на материале автобиографии Джона Беньяна (1628–1688),³ тексты «автобиографического» жанра следовали образцу, заложенному еще в «Исповеди» Святого Августина и житии Святого Павла, как оно изложено в «Деяниях святых апостолов». Его характерными чертами были: подчеркивание прежней греховности в начале и

---

³ *Tindall W.Y.* John Bunyan: Mechanick Preacher. New York, 1934.

изложение драматической истории «изменения сердца» и «перерождения». К числу «законов» жанра У. Тиндел относил «критерии отбора, акцент и компоновку» и «жесткую формулу перерождения», замечая, что эти правила того, «как-надо-писать», определялись устной средой. Не в этом ли направлении следует искать ответ на оставшееся загадкой для соискателя отсутствие ветхозаветных примеров «стратегии» в «Типиконе» Григория Пакуриана (с. 72)?

3. Соискатель игнорирует большой пласт историографии, связанной с изучением ромейской идентичности и преמודерных форм гибридных идентичностей.⁴ Как показал Я. Стурайтис,⁵ среди современных византинистов можно выделить три направления мысли об идентичности ромеев. Первое направление рассматривает «ромейство» как способ самоидентификации в полиэтничной империи, второе — как проявление традиционной греческой идентичности, третий, недавно предложенный Э. Калделлисом,⁶ — как предтечу национальной идентичности модерного типа. Как показано в ряде недавних работ,⁷ политическое единство «ромеев», основанное на греческом языке и принадлежности к православию, не стирало региональную культурную самобытность, да и не стремилось к этому. Во

---

⁴ См., например: *Zorgati R.J.* Pluralism in the Middle Ages: Hybrid Identities, Conversion, and Mixed Marriages in Medieval Iberia. New York, 2012.

⁵ *Stouraitis Y.* Roman identity in Byzantium: A Critical Approach // *Byzantinische Zeitschrift*. 2014. Bd. 107 (1). P. 175–220.

⁶ *Kaldellis A.* Romanland: Ethnicity and Empire in Byzantium. Cambridge; London, 2019.

⁷ Из недавних см., например, статьи в коллективной монографии: *Stouraitis Y.* (ed.) *Identities and Ideologies in the Medieval East Roman World*. Edinburg, 2022, особенно: *Kondyli F.* Community-Building and Collective Identity in Middle Byzantine Athens; *Simpson A.* Ethnic/Provincial Separatism in the Late Twelfth Century: A Case of Power Relations or Disparate Identities?; *Cheyne J.C.* Provincial Rebellions as an Indicator of Byzantine 'Identity' (Tenth-Twelfth Centuries); *Smyrlis K.* The Dēmosia, the Emperor and the Common Good: Byzantine Ideas on Taxation and Public Wealth, Eleventh-Twelfth Century; *Reynolds D.* Byzantium from Below: Rural Identity in Byzantine Arabia and Palaestina, 500–630.

многих случаях региональная, а точнее локальная идентичность, в Ромейской империи преобладала над идентичностью «ромея».

В этой связи встает вопрос о том, насколько уместно считать Евстафия Воилу, Григория Пакуриана, Кекавмена, Никулицу Дельфина и тем более Владимира Мономоха «типичными ромеями со “средним” образованием и обыденным жизненным опытом “солдата империи”» (с. 56–57)? Что конкретно вкладывается в понятие типичности, учитывая, что все эти персоны имели различное происхождение, прошли разный карьерный путь вплоть до самых высоких должностей, но, главное, оставили после себя письменные тексты исключительной значимости, сразу выделяющие их из массы «безмолвного большинства»? В частности, сам соискатель отмечает, что Григорий Пакуриан прошел «все ступени византийской военной системы, от рядового изгоя-наемника до главнокомандующего и севаста, титула, который присваивался лишь родственникам и ближайшим сподвижникам императоров XI в.», но несмотря на это, определяет Пакуриана как «типичного аристократа пограничья» (с. 71).

В заключение следует особо оговориться, что все отмеченные дискуссионные вопросы ни в коей мере не умаляют значимость рассматриваемой диссертации, а скорее, наоборот, свидетельствуют о ее исследовательской ценности и вкладе в историческую науку.

В целом, диссертация Максима Игоревича Дробышева «Автобиографические сочинения провинциальных аристократов византийской ойкумены второй половины XI — начала XII в.: источниковедческое исследование проблем мировоззрения» выполнена на весьма высоком квалификационном уровне и представляет существенный интерес для специалистов. Выводы диссертации фундированы, основаны на глубоком и всестороннем источниковедческом анализе оригинальных источников. Название работы полностью соответствует ее содержанию. Основные положения, выносимые на защиту и содержащиеся в автореферате, не вызывают возражений. По теме диссертации опубликовано 24 научные

работы, в том числе 4 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК для апробации результатов диссертационных исследований. Представленные публикации полностью отражают содержание диссертации, обеспечивая ее результатам необходимую достоверность и обоснованность. Выводы диссертации апробированы на 8 конференциях международного и всероссийского уровня.

Все вышеизложенное свидетельствует, что диссертационное сочинение Максима Игоревича Дробышева «Автобиографические сочинения провинциальных аристократов византийской ойкумены второй половины XI — начала XII в.: источниковедческое исследование проблем мировоззрения», несомненно, полностью соответствует всем требованиям п. 9, установленным «Положением о порядке присуждения ученых степеней» и предъявляемым критериям к кандидатским диссертациям по специальности 5.6.5 — Историография, источниковедение и методы исторического исследования, а ее автор достоин присуждения ученой степени кандидата исторических наук.

Официальный оппонент:

кандидат исторических наук

(специальность 07.00.03 — всеобщая история (средние века),

заведующий научно-исследовательской лабораторией исторической географии и регионалистики Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Тюменский государственный университет»

Козлов Сергей Александрович

Почтовый адрес:

625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6,

ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

Тел.: +7 (3452) 59-77-48

E-mail: s.a.kozlov@utmn.ru

28.04.2023

